

RU

Имя действия в татарском литературном языке конца XIX – начала XX века: функционально-стилистический анализ

Мирхаев Р. Ф., Баширова И. Б.

Аннотация. Данная работа представляет собой анализ имен действий, употреблявшихся в языке татарской просветительской прозы конца XIX - начала XX века в функционально-стилистическом аспекте. Цель исследования - определение места данных форм в грамматической и стилистической системе татарского литературного языка в указанный период. Научная новизна работы заключается в подходе к анализу фактического материала: имена действия на -у, -мак, -ма и -маклык до этого в трудах по истории татарского литературного языка не исследовались системно. В результате было выявлено, что не все имена действия смогли в полной мере раскрыть свой функционально-стилистический потенциал, что привело в дальнейшем к исчезновению форм на -мак, -ма и -маклык из татарского литературного языка.

EN

Action Noun in the Literary Tatar Language of the End of the XIX – the Beginning of the XX Century: Functional-Stylistic Analysis

Mirkhayev R. F., Bashirova I. B.

Abstract. The article examines functional-stylistic peculiarities of the action nouns used in the Tatar educational prose of the end of the XIX - the beginning of the XX century. The paper aims to identify the place of these units within the grammatical and stylistic system of the literary Tatar language of the mentioned period. Scientific originality of the study lies in the fact that the researchers introduce new factual material into scientific circulation: action nouns ending in -у, -мак, -ма, -маклык have not been previously subjected to a systemic analysis. The conducted research allows concluding that the functional-stylistic potential of certain action nouns remained undisclosed, which led to disappearance of forms on -мак, -ма, -маклык from the literary Tatar language.

Введение

Актуальность темы данной работы обусловлена необходимостью исследования грамматической структуры татарского языка – как его отдельно взятых форм, так и в их совокупности в функционально-стилистическом аспекте, что в целом обусловлено переходом современной лингвистики от структурно-системной научной парадигмы к функциональной, позволившей понять и раскрыть механизмы реализации потенциала языковых единиц в тех или иных коммуникативных ситуациях. В этом плане особое значение приобретает изучение глагольных форм, которые в процессе речи выступают как носители различного рода информации, модальности, экспрессивности и т.д. Несмотря на то, что на материале татарских диалектов в функциональном аспекте они изучены достаточно скрупулезно [15], в работах по истории татарского литературного языка они описываются или фрагментарно, или же авторы ограничиваются лишь указанием их употребления в тех или иных письменных источниках [8; 12; 14]. Между тем исследование форм глагола в указанном выше аспекте позволило бы восстановить состояние татарского литературного языка в конце XIX – начале XX века – на том переходном этапе, когда происходила трансформация многовековых письменно-литературных норм и традиций на основе новых общественных, культурных и языковых явлений. Здесь следует отметить, что на современном этапе отдельными авторами уже предприняты определенные шаги в этом направлении [6; 7].

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, проанализировать функциональный потенциал имен действий; во-вторых, изучить стилистические особенности их употребления.

В качестве методов исследования были применены описательный метод, включающий в себя приемы внешней и внутренней интерпретации, методы функционального и стилистического анализа.

Теоретической базой исследования послужили научно-теоретические разработки, нашедшие отражение в монографиях И. Б. Башировой «XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: жанр-стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык» [4], Ф. Ю. Юсупова «Морфология татарского диалектного языка: категории глагола» [15]. Работа первого автора посвящена исследованию форм грамматических категорий имени существительного и наклонений глагола татарского литературного языка конца XIX – начала XX века. Она представляет интерес с точки зрения изучения именных и глагольных форм в жанрово-стилистическом аспекте. Во второй монографии в системно-структурном и функциональном аспектах рассматриваются личные и неличные формы глагола, в том числе и имена действия, которые употребляются в диалектах татарского языка.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях, направленных на изучение грамматической и стилистической системы татарского и других языков, как в синхронии, так и в диахронии. Кроме этого, они могут быть внедрены в образовательный процесс на филологических факультетах высших учебных заведений.

Функциональный потенциал имен действий

В современном татарском языкознании под именами действиями рассматриваются глагольные формы, которые в грамматическом и функционально-семантическом планах объединяют в себе признаки имени существительного и глагола. С первым их сближает соотносительность с категориями числа, принадлежности и падежа. Другими словами, они, как и имена существительные, принимают аффиксы данных грамматических категорий. А как глагольные формы обозначают действие, процесс, спрягаются отрицательными и залоговыми аффиксами. При анализе их функционального потенциала мы в основном обратили внимание на их соотносительность с падежами и на значения (процессуальные, атрибутивные, объектные, обстоятельственные), которые они передают, употребляясь в том или ином падеже.

На сегодняшний день в татарском литературном языке в качестве нормы выделяется форма имени действия на -у [9, б. 255-257]. Как показывают материалы письменных источников, она была активна и в татарском литературном языке конца XIX – начала XX века. Наряду с ней здесь присутствует также традиционная для старотатарского письменно-литературного языка форма имени действия на -мак и характерные для османско-турецкого языка формы на -ма, -маклык [5, с. 455-460, 465]. В рассмотренных нами произведениях данные имена действия употребляются в различных падежах и в подавляющем большинстве с аффиксами принадлежности третьего лица, иногда первого лица. В основном падеже они обозначают какое-либо действие или событие, временная соотносительность которого определяется формой основного глагола:

1) форма на -у: *...мөсафирә Зөләйханың мәктүлә булуы* [3, б. 6-7]... / *'...убийство гостьи Зулейхи'* (здесь и далее перевод авторов статьи. – Р. М., И. Б.); *...ахыргы күрешүем бу кичә улсын* [2, б. 18]... / *'...пусть последняя моя встреча (с тобой) будет этой ночью...'*;

2) форма на -мак: *Хәнифәнең гаиб улып менла илә күрешмәге* [1, б. 68]... / *'исчезновение Ханифы и ее встреча с менлоу...'*; *...һич дә хәят әсәрләре – нәфәс алмак, пульс тамырлар тибмәк калмайдыр* [2, б. 58]. / *'...признаки жизни – дыхание, биение пульса – и вовсе не остаются'*; *...дәрәя мисалында күз яшьләремне акызып егъламак* [10, б. 7]... / *'...плакать, проливая слезы объемом с моря...'*;

3) форма на -ма: *Менланың шәһәрә чук килмәсе диккатьсез калмайып* [1, б. 20]... / *'Частый приезд менлы в город не остался без внимания...'*; *...имтихан бирмәләре лаземдер* [2, б. 13]. / *'...необходимо, чтобы они сдали экзамен'*; *Шуның ичүн Габбас мелланың бөйлә рәвешидә зиһен сарыф итмәсе вә бүйүк бер мөхарәбәйдә кидәчәк саргаскар мәнзилендә хәзерләнмәсе* [11, б. 13]... / *'Поэтому такая трата ума Габбасом менлоу и его приготовления подобно военачальнику, уходящему на большое сражение...'*;

4) форма на -маклык: *...безгә зарур булган эш будыр: Муса Салиховны хәбес кылмаклык* [3, б. 30]. / *'...дело, которое необходимо сделать нам, – это арестовать Мусу Салихова'*; *Бәнем калмаклыкым лазем* [10, б. 38-39]... / *'Нужно, чтобы я остался...'*; *...эзләмәйдә мәжбүр итмәклегемез лаек бер эш дәгелдер* [11, б. 26]... / *'...то, что мы заставили его искать, – недостойное для нас дело...'*.

В то же время имена действия на -у и -мак в основном падеже выступают и в атрибутивной позиции, что не наблюдается у двух последних: *...сонра ивгә кайту нияте илә магазиндан китдем* [3, б. 9-10]... / *'...с намерением пойти домой ушел из магазина...'*; *...авылдашы Мохтарны диләнмәк эшендә күреп* [1, б. 30]... / *'...увидев односельчанина Мухтара за попрошайничеством...'*; *Исерткеч эчмәк юлыны халыкға күстәрә* [11, б. 29]... / *'Показывает народу дорогу к пьянству...'*.

Атрибутивные отношения рассмотренные формы выражают и в притяжательном падеже, что характерно также для форм на -у и -мак: *...мәхкәмәйдә килүенең сәбәбе* [3, б. 39]... / *'...причина его прихода в суд...'*; *Ләкин бунларың бөйлә хилафлыкта йөрүләренең сәбәбене беләсем килеп тафтиш итдем* [11, б. 87]... / *'Однако я расследовал по причине того, что хотел узнать, почему они так противятся...'*.

Кроме этого, для имен действий на -мак в сочетании с модальными словами *кирәк* 'надо, нужно, необходимо', *мөмкин* 'можно', *лазем* 'необходимо, нужно, обязательно' и глаголами *эстәү* 'желать, хотеть', *улу* 'быть, существовать, иметься' характерно замещение инфинитива на -ырга: *Сәгать күп икән, бәңа мәктүб язмак*

кирәк [1, б. 23]. / *‘Время, оказывается, уже позднее, мне нужно написать письмо’*; *Әлбәттә, акча илә дә әбәди шөһрәт **казанмак** мөмкин [Там же, б. 32]... / ‘Конечно, и деньгами можно обрести вечную славу’*; *Бу мәктүбемдә бән сәңа бер йәни вақыйга **белдермәк** эстәмеш идем [Там же, б. 39]. / ‘В этом своем письме хотела поставить тебя в известность об одном новом событии’*; *Беркач сәгатъ поездыны **бәкләмәк** лазем иде [3, б. 42]. / ‘Нужно было несколько часов подождать поезд’*; *...без дә бу әсәрәмезне **нәшер итмәк** улдык [10, б. 2]. / ‘...мы же решили издать это наше произведение’*.

В направительном падеже имена действия, в основном осложненные аффиксами принадлежности, обозначают косвенный объект другого процесса:

1) форма на -у: *...бәлки тәфтишдә табылган нәрсәләр сезнең катиле Зөләйха **улуыңыза** дәләләт кыларлар [3, б. 20-21]. / ‘...но найденные во время расследования вещи доказывают, что вы являетесь убийцей Зулейхи’*; *...ике хатын **сүзләшүенә** колак салып гажәб итдем [10, б. 16]. / ‘...я удивился, услышав разговор двух женщин’*;

2) форма на -мак: *...яшь кызның жегет илә **тапышмақына** [1, б. 68]... / ‘...тому, что молодая девушка и парень нашли друг друга...’*;

3) форма на -ма: *...менланың **гашыйк улмасына** да инанмыш [Там же, б. 26]... / ‘...поверила и в то, что менла влюбился...’*; *Вақыйган бу гадәтләре... бәдәнләренең саламәтлекләренә вә күңелләренең **шад улмасына** сәбәб улыр иде [11, б. 9]. / ‘Действительно, эти их привычки... являлись причиной поддержания их тел в здоровом, а души – в праздном состоянии’*;

4) форма на -маклы: *Ләкин Гайшә ханым рус лисаны илә **тәкәллем кылмаклыкны** белмәк дәгел [3, б. 66]... / ‘Однако Айше ханум умела не только разговаривать по-русски...’*; *Вә зыярәт идәр ичүн бу кадәр мөсафәләр вә бу кадәр масрафлар тотып **йөрмәклегенә** [10, б. 49]... / ‘И то, что ты ходишь, преодолевая такие расстояния и растрачивая столько средств...’*.

Кроме этого, имена действия на -у в данном падеже употребляются и для указания начальной точки совершения другого действия во временной плоскости: *Менә инде аның Казандан **кидуенә** сәкез-тукыз ай булды [2, б. 18]... / ‘Вот уже и после его отъезда из Казани прошли восемь-девять месяцев...’*; *Мәгәр дә Казандан **китүемә** тәүлек улмады [10, б. 30-31]... / ‘Однако не прошло и суток после моего отъезда из Казани...’*.

В винительном падеже имена действия, кроме формы на -маклык, которая не была зафиксирована в данном падеже, обозначают прямой объект другого действия:

1) форма на -у: *Ягкубның мәктүл **булуыны** яңа ишедәмен [2, б. 34]... / ‘Я только сейчас услышал о смерти Ягкуба...’*; *Үзең начар булсаң да, баланың йахшы **булуыны** арзу идәсең [11, б. 82]! / ‘Если даже ты и плохой, все равно хочешь, чтобы ребенок был хорошим!’*;

2) форма на -ма: *Бу кычкырышмайы ишедеп [1, б. 16]... / ‘Услышав этот спор...’*; *...карчыкның өендән тәфтиш **улмасыны** рижа кылды [2, б. 34]. / ‘Она попросила, чтобы в доме старухи провели обыск’*; *...жаваб **язмасыны** рижа итдекләрендә [11, б. 52]... / ‘Когда попросили, чтобы она написала ответ...’*;

3) форма на -мак: *Бөйлә ажы **агламагы** ишедеп [1, б. 6]... / ‘Услышав такой горький плач...’*; *...аз вақытга бәнем хозурыма **килмәкләренә** үтендем [11, б. 79]. / ‘Я попросила, чтобы они ненадолго посетили меня’*.

В исходном падеже имена действия на -у и -мак, а также изредка на -ма выступают в качестве косвенного объекта другого действия:

1) форма на -у: *Следователь хезмәтченең **үлүендән** хәбәр алмадыгы ичүн [2, б. 54]... / ‘По причине того, что следователь не получил известия о смерти прислуги...’*; *Бу дәфгада Хәсән агайның ысулы жәдид бәхәсене **чыкаруындан** куркып [10, б. 45]... / ‘Испугавшись, что на этот раз дядя Хасан начнет спор о новом образовательном методе...’*;

2) форма на -мак: *Хөрмәтле укужыларымның зиһенләрене **арытмакдан** чәкенеп [1, б. 50]... / ‘Чтобы не утомлять разум наших уважаемых читателей...’*; *...шимди **үлмәкдән** гаять дә курыкмайа башлады [2, б. 55]. / ‘...теперь же начала очень бояться смерти’*; *Бәгъзеләре, Хикмәт хажи тарафындан ут салыначак дарының **күтәрелмәгендән** куркып китде... дип сөйләрләр иде [11, б. 40]... / ‘Некоторые рассказывали, что он уехал, испугавшись взрыва пороха, который должен был зажечь Хикмат хаджи...’*;

3) форма на -ма: *...өйдә Маһруйның баласы Фәридәйе **бакмадан** гайре хезмәте юк иде [2, б. 59]. / ‘...в доме у нее не было другой работы, кроме как присматривать за дочерью Махруя Фаридой’*.

В текстах имена действия в местном падеже, кроме форм на -маклык, которые не употребляются в данном падеже, обозначают косвенный объект и начальную точку совершения другого действия во временной плоскости:

1) форма на -у: *Бән Габденнәсыр әфәнденең номерендә күргән револьвер илә Зөләйханың мәктүлә **булуында** шик юк [3, б. 59]. / ‘Нет никакого сомнения в том, что Зулейха была убита из револьвера, который я увидел в номере Габденнәсыра әфәнди’*; *Бакчадан **чыкуымызда** [10, б. 34]... / ‘Когда мы вышли из сада...’*;

2) форма на -мак: *...яшь кыз мөтәсәлли улды вә иләре **жөрмәгендә** дәвам итде [1, б. 57]. / ‘...молодая девушка утешилась и продолжила идти вперед’*; *Шуның ичүн бәгъзе вақыт күңеле **истирахәт итдермәкдә** зарар улмаз [11, б. 10]. / ‘Поэтому нет никакого вреда в том, что иногда даешь отдохнуть душе’*;

3) форма на -ма: *Буның фикеренә күрә хатынның күп вә аз **улмасында** бер аерма улмай... хатын күп улмасында һәм косурлык күрмәз иде [Там же, б. 18]. / ‘По его мнению, нет никакой разницы в том, много жен или мало... также он не видел никакого изъяна в том, что жен много’*.

Употребление формы на -маклык в двух последних падежах также не было зафиксировано.

Стилистические особенности употребления имен действий

В данном аспекте имена действия рассматривались нами с точки зрения их роли и места в формировании художественного текста (где и в каких целях употребляются авторами), а также в качестве каких художественно-стилистических тропов используются.

В произведениях татарских писателей-просветителей рассмотренные нами имена действия в основном функционируют в авторской речи. При этом они несут в себе определенную художественно-стилистическую нагрузку. Так, например, формы на -у в составе расширенных градаций, посредством которых достигается определенная степень образности, привлекаются для создания пейзажных картин и присутствуют в описаниях портретов персонажей: *Яшь балаларның көйсезләнеп егълаулары, ана вә караучыларының анларны юатулары, якында пароход, еракда улган завод вә тимер юл арбасы давышларына кушылып, гажәб рәвешдә һавага күтәрелеп таралмакда иде* [10, б. 14]. / *Жапризный плач маленьких детей, голоса утешавших их матерей и нянь, сливаясь со звуками проплывавших вблизи пароходов, а также заводов и железнодорожных вагонов вдали, удивительным образом поднимались в небо и распространялись по округе*; *Жәмал вә гүзәллеге йирендә, сөйләшүе ләззәтле, кәндесе дә ғайәт дә җазибәле улдыгындан* [11, б. 66]... / *‘По причине того, что она была красива и красота ее была естественна, а голос сладок, и сама она была очень привлекательной...’*.

При этом в отдельных случаях во избежание неуместных повторов в рамках одного контекста имена действия на -у чередуются с их грамматическими синонимами, в частности с формой на -мак: *Пароход хезмәт-челәрәнен ашыгып нәрсә ташулары ягъмур күрелгәндә ашлык уручыларның йөгәрә-йөгәрә көлтә җыймакларыны искә төшерә иде* [10, б. 14]. / *‘Торопливое перетаскивание служащими парохода вещей напоминало то, как хлеборобы бегом собирают снопы перед дождем’*.

Далее, формы на -ма и -мак присутствуют и в публицистических отступлениях, которые являются характерной чертой произведений татарской просветительской прозы: *Бер хаста, хәлсез күрсәк, ярдәм бирмәйә... морад идәрәз* [1, б. 5]. / *‘Увидев какого-нибудь больного, немоющего, мы стремимся... оказать помощь’*; *Ата улмакның вазифасы да балаларга юл күстәрмәк вә хәҗәтләренә үгрәтмәкдер* [10, б. 10]. / *‘Быть отцом – это значит указать путь детям и обучить их всему необходимому’*; *Дүртенчез, байлар хәтерене калдырмаз ичүн, лазем вагазыларне әйтмәкдән сөкүт итде* [Там же, б. 12]. / *‘Четвертый из нас, чтобы не обидеть богачей, отказался от произнесения необходимых наставлений’*; *Бунлар исә милләтең бай булмакына, дин илә дөнъялары кечеләнмәгенә сәбәб улыр* [11, б. 94]. / *‘Они, в свою очередь, становятся причиной обогащения нации, становления их снисходительности в вопросах религии и жизни’*.

Кроме этого, в рассмотренных нами произведениях глаголы в формах на -у, -мак и -ма выступают в качестве художественных тропов, а именно как:

1) метафоры: *Һәм, вакыйган, мөфәттин Ибраһимның әйтдеге кеби, балайы «тәмам» кылмадан мордар карчыкга агыр мәшәкәт килмәде* [2, б. 33]. / *‘И на самом деле, как сказал смутьян Ибрагим, прохвостка старуха с легкостью определила «конец» ребенку’*;

2) градации: *Вә хис итде ки, яшь йөрәге кыз илә хәбәрләшмәге, күрешмәк вә күз-күзә сүзләшмәге эстийур* [1, б. 21]. / *‘И почувствовал, что его молодая душа хочет общения с девушкой, увидеться с ней и поговорить с глазу на глаз’*; *Нә кадәр урынлардан кичеп агуыны вә нә кадәр жанларны сугаруыны, дөнъя зурлыгы пароход илә безне күтәрәп азыгып баруыны фикерләп, Аллаһы Тәгаләнен сәнгәтләренә хәйран улып утырыр идем* [10, б. 22]. / *‘Подумав о том, что она протекает, проходя через столько мест, и орошает столько душ, несет на себе нас вместе с огромным пароходом, я сидел, удивляясь творениям Всевышнего’*.

Заключение

Таким образом, на основе проанализированного материала мы пришли к следующим выводам. Не все зарегистрированные в письменных источниках имена действия смогли раскрыть свой функциональный потенциал в татарском литературном языке конца XIX – начала XX века. В этом отношении выделяются формы на -у и -мак. Они соотносятся со всеми падежами, вследствие чего выражают различные значения.

В стилистическом плане в текстах выделяются имена действия на -у, -мак и -ма. Однако в дальнейшем имена действия на -мак, как и формы на -ма и -маклык, выпали из сферы художественного словоупотребления. Если в случае с именами действия на -ма и -маклык это было обусловлено их недостаточной активностью в функционально-стилистическом плане, то в случае с формой на -мак данное явление объясняется тем, что она во многих позициях дублировала форму на -у, которая выступает в качестве основной формы как в литературном языке, так и в диалектах и по этой причине была вытеснена ею.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении функционально-стилистических особенностей употребления других глагольных форм в татарском литературном языке указанного периода и других синхронных срезах, что позволит определить, в какой степени был реализован их функционально-стилистический потенциал в диахроническом аспекте.

Список источников

1. Акъегет М. Хисаметдин менла. Милли роман яки хикәя. Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1886. 70 б.
2. Бигиев З. Гөнаһе кәбаир: роман. Казан: Типофр. Г. М. Вечеслава, 1890. 72 б.

3. Бигиев З. Өлүф, яки гүзэл кыз Хәдичә: роман. Казан: Типогр. Г. М. Вечеслава, 1887. 77 б.
4. Бәширова И. Б. XIX гасыр ахыры - XX гасыр башы татар әдәби теле: жанр-стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык. Казан: ИЯЛИ АН РТ, 2008. 340 б.
5. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
6. Миннуллин Б. К. Формы функционирования причастия прошедшего времени в текстах татарской периодической печати начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 11. С. 147-150.
7. Мирхаев Р. Ф., Миннуллин Б. К. Старотатарский литературный язык в конце XIX - начале XX века: функционально-стилистические особенности употребления деепричастия на -ып (-ур) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65). Ч. 2. С. 118-120.
8. Нуриева Ф. Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Казанский государственный университет, 2004. 376 с.
9. Татар грамматикасы: өч томда / проект жит. М. З. Зәкиев. Тулыландырылган 2 нче басма. Казан: ТӘҺСИ, 2016. Т. II. 432 б.
10. Фәхретдинов Р. Сәлимә яки гыйффәт. Гафил бән Габдулла әсәре уларак бер хикәятдер. Казан: Типогр. Б. Л. Домбровского, 1899. 80 б.
11. Фәхретдинов Р. Әсма яки гамәл вә жәза. Оренбург: Типогр. М.-Ф. Г. Каримова, 1903. 130 б.
12. Хаков В. Х. Тел - тарих көзгесе (Татар әдәби теленең үсеш тарихыннан). Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 295 б.
13. Хисамова Ф. М. Татарский язык в восточной дипломатии России. Казань: Масиер Лайн, 1999. 408 с.
14. Юсупов А. Ф. Язык произведений Шамсетдина Заки. Морфология. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. 204 с.
15. Юсупов Ф. Ю. Морфология татарского диалектного языка: категории глагола. Казань: Фэн, 2004. 592 с.

Информация об авторах | Author information

Мирхаев Рифат Фирдинатович¹, к. филол. н., доц.
Баширова Илида Басыровна², д. филол. н.
^{1,2} Академия наук Республики Татарстан, г. Казань

Mirkhayev Rifat Firdinatovich¹, PhD
Bashirova Ilida Basirovna², Dr
^{1,2} Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

¹ mirhaev77@mail.ru, ² lilvil25@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.12.2020; опубликовано (published): 10.02.2021.

Ключевые слова (keywords): татарский литературный язык; просветительская проза; имя действия; функционально-стилистические особенности; падежи; literary Tatar language; educational prose; action noun; functional-stylistic peculiarities; cases.